

Gurak, Smiljana Antonijevic, Laurie Johnson, Clancy Ratliff and Jessica Reyman (eds.), *Into the Blogosphere: Rhetoric, Community, and Culture of Weblogs*. Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota, 2004.

11. Nardi, B., Schiano, D., & Gumbrecht, M. Blogging as social activity, or, would you let 900 million people read your diary? // Proceedings of Computer Supported

Скиперских А.В., доктор политических наук, профессор,
Институт права и экономики, г. Липецк

Политический протестный текст в современной России: письмо и поверхность

Политическое участие нельзя рассматривать исключительно в контексте институционализированных форм вовлечения индивида в политический процесс. Информационное общество оставляет шансы на политическое участие в максимально опосредованных формах, что придаёт индивиду самодостаточности, а демократизация политической жизни как раз и предполагает, что информационное пространство может быть полифонично. Значительно увеличивает возможности для альтернативного письма авторитарная политическая практика, когда источники информации и вместе с ними и поверхности текста становятся узурпированными правящим классом. Подобная конъюнктура является оптимальной для появления практик протестного текста.

Выразительность протестного письма увеличивается в периоды социальных трансформаций. В Париж 1968 года специально съезжались туристы, чтобы фотографироваться на фоне революционных надписей.

Нечто подобное можно увидеть и в Киеве в конце 2013 – начале 2014 года – настоящий бум протестного письма.

Не является исключением и российская практика. Протестное политическое письмо достаточно активно проявляется на самых разных поверхностях в период зимних митингов 2011-2012 года. Вообще, наверное, ни один город в современной России не может избежать быть отмеченным протестным письмом. Послания, оставляемые социальными группами, испытывающими необходимость демонстрации собственных претензий на политический дискурс, всё чаще отмечаются на его теле.

С точки зрения автора, следует различать 3 типа поверхности в городском публичном пространстве, на которые потенциально может нанести протестный текст субъект протестного письма. Это сам город с его материальным капиталом, выступающий как поверхность письма (здания, крыши зданий, учреждения, вывески, дороги, улицы, уличные знаки, деревья, столбы, памятники, стены, остановки, рольставни, городской транспорт, железнодорожные вагоны и т.д.), человек как поверхность протестного письма (акты человека, аксессуары, одежда, причёска,

ношение символов, перформансы и т. д.) и протестная поверхность – коммуникации (блогосфера, социальные сети, журналистика, искусство, театр, музыка и т.д.).

Таким образом, представляются возможными три варианта субъект-объектной коммуникации:

1. Субъект протеста – город и его материальный капитал.
2. Субъект протеста – человек и его тело.
3. Субъект протеста – протестная коммуникация.

Теперь следует привести ряд примеров.

1. Наблюдение за протестным письмом показывает, что объектами письма могут выступать какие угодно поверхности, относящиеся к материальному капиталу города, а политические практики арт-активизма с каждым годом становятся всё более изобретательными и изощрёнными.

Городское пространство оказывается наиболее уязвимым с точки зрения его расположленности к протестному письму, объёмы которого увеличиваются в зависимости от содержания политики. Так, известные события в Бирюлёво в октябре 2013 года просто были обязаны вытолкнуть практики протестного письма, что мы увидели в итоге.

Успешность объективации протестных текстов и эксплуатации субъектом протестных поверхностей в отдельно взятом городе скрывается в анонимном характере самого письма. Безусловно, в городах – мегаполисах гораздо выше вероятность сохранения анонимности собственного авторства в протестном тексте. То же самое можно сказать и об открытых формах противостояния власти – митингах, пикетах и т.д. Наоборот, в провинции сохранить анонимность значительно сложнее. Вот и складывается ситуация, когда «в центре – митингующий подобен улитке, спрятавшейся в панцирную роговицу таких же несогласных. В провинции невозможно спрятаться в панцирь. Средств на такую тёплую, предохраняющую одежду попросту нет» [5; 60].

Письмо можно рассматривать изначально в контексте некоего нарушения нормы. В этом смысле, любая поверхность может быть предрасположена к письму, когда «количеству и разнообразию человеческих надписей – если уж говорить только о надписях – положительно нет числа. Одни вырезаны, выбиты, другие начертаны, нарисованы. Одни собственной рукой, другие рукой наследников, внуков, правнуиков. Одни вчера, другие десять, сто лет тому назад или же века, тысячелетия» [2; 172].

Неизбежность поглощения любой поверхности политическим изначально располагает любое письмо в контексте политического. Данное свойство поверхности не может не привлечь политических акторов, заинтересованных в публичной демонстрации протестных текстов. Исключённые политические акторы по определению не могут не рассматривать подобную возможность осуществления политического участия.

Подобное инструментальное отношение к поверхности является частью протестной философии. Другое дело, что актуализация протестного письма происходит в моменты политических трансформаций, позволяющих исследователю

сталкиваться с самыми неожиданными поверхностями, на которые наносится протестное письмо. Так, Д.Шарп, говоря о методах ненасильственного сопротивления, указывает на такие формы протестного письма как «надписи в воздухе (самолёта-ми) и на земле (вспашкой почвы, посадкой растений, камнями)» [7; 101].

Политическая, экономическая и культурная ситуация в современной России, несомненно, располагает к протестному письму, провоцируя автора на неустанный поиск смыслов и их «схватывание» протестным письмом. Обусловленность протестного письма целым рядом факторов влияет на выбор средства письма.

Как правило, средства письма бывают всегда экологичны, поэтому спокойно укладываются на поверхность. Разве не выглядит экологично нанесённое бунинскими книгами письмо на отбитом постаменте памятника И.Бунину в г. Ельце? Именно так невнимание городской администрации к памятнику классика отметили акционисты арт-группы «23:59». Постоянное третирование администрации всё-таки привело кциальному результату, и памятник отремонтировали ко Дню города. Возможно, резонанса ситуации как раз и придала необычная форма протестного письма.

Если с помощью протестного письма создаётся ощущение естественности политической ситуации (например, анонимный автор подрисовывает мешок с деньгами в руку пешехода на дорожном знаке пешеходного перехода), то и само выбранное средство для письма должно быть экологичным. Нанесённый на асфальт трафарет не должен мешать движению. Маркированная протестным письмом городская поверхность ни в коем случае не должна разрушаться. Если поверхностью служит рекламный щит, то он не должен быть порван, наоборот, надпись должна быть максимально «вписанной» в него.

Экологичность средств, с помощью которых наносится протестное письмо, заметна и на примере наномитингов в провинциальных городах современной России – «митингов без людей». Авторами протестных надписей являются либо игрушки и куклы (Барнаул, Томск, Апатиты), либо пластилиновые человечки (Данков и Елец в Липецкой области). Экологический характер подобных форм политического участия проявляется и в отсутствии проблемы «utiлизации» средств протестного письма. Так, пластилиновых человечков в Ельце с удовольствием разбирали дети. Быстрая «utiлизация» может быть связана ещё и с проблемой экономичности бытия человека в российской провинции, что оказывается на его способности спокойно принимать в дар отслужившие вещи, при этом, не стремясь приобретать их.

В качестве средств протестного письма зачастую используются наклейки, стикеры, баллончики с краской, с помощью которых изготавливается политическое граффити. На масштабность подобного явления и большие творческие способности субъектов протестного письма могут красноречиво указывать стены тоннелей и железнодорожных откосов. Сотни тысяч россиян ежедневно сталкиваются с протестными посланиями во время передвижений в метро и на поездах. Миллионы россиян наблюдают протестное письмо в гаражных кооперативах.

В некоторых городах России недовольство состоянием дорог вызывает к жизни активистские практики, во время которых ямы на повреждённом дорожном полотне обводятся и закрашиваются цветными мелками. Не так давно стала популярной технология наложения письма через заготовленные трафареты, причём данная практика является уже довольно распространённой как в столице, так и в провинции.

Привлекательность подобных технологий как способа выражения протестных настроений служит причиной институционализации протестного письма, появления структур, деятельность которых направлена на регистрацию и фиксацию поверхностей протеста, а также разработку и концептуализацию новых протестных месседжей.

2. Поверхностью протеста может быть и непосредственное тело субъекта протеста. Эксперименты с телом как с поверхностью письма всегда обладают особой зреющей способностью.

Необходимо отметить, что изначально власть сильнее тела, потому как оказывает на него давление и принуждает его, дисциплинируя и подавляя. По этому поводу французский философ М. Фуко заметил, что «тело непосредственно погружено в область политического. Отношения власти держат его мёртвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытают, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки» [6; 39].

В феврале 2012 года арт-группа «23:59» на снежном склоне Парка 40-летия Октября в Ельце выложила телами 12 человек слово «HATE». После выполнения надписи на месте лежащих тел появились сотни зажжённых свечей, повторявших надпись, но уже огнём. Подобная акция представляла собой своеобразный ответ власти не в рамках существующих институтов, через созданные для этого механизмы (обращения, депутатские запросы, Общественная палата и т.д.) а, наоборот, явилась моментальным, быстрым ответом на проблему. В данном перформансе прослеживается и литературная параллель. Наряду с переводом с англ. «Hate» как ненависть, есть ещё и известный текст «Нате» В.Маяковского. Таким образом, обеспечивается и неоднозначность содержания протестного послания.

Крайне радикальный пример использования собственного тела как поверхности письма продемонстрировал художник Пётр Павленский, который 3 мая 2013 года разделся догола и завернулся в колючую проволоку напротив здания Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, и в своей известной акции 10 ноября на Красной площади в Москве. Говоря о каких-то исключительно жестоких попытках эксплуатации собственного тела в качестве протестной поверхности, вспоминаются и перформансы О.Кулика, изображавшего собаку.

Протестное письмо может наноситься и на одежду, при этом сам факт использования конкретного цвета или элемента уже будет рассматриваться в протестном контексте. Важным значением наделяется и внешний вид. Вспомним, как герой С.Бодрова в самом начале фильма «Брат», в поисках клуба обращается к парням с ирокезами на головах.

На наш взгляд, очевидно, что в условиях всеобщей капитализации и схватывания собственности всесильным капиталом, единственное, что осталось у человека и принадлежит ему – это его тело. В этой связи, протестное письмо логично накладывается на него. Таким образом, протест концентрируется в самом человеке, редуцируясь в его теле и жизненном стиле. Отсюда, сам человек со своим собственным телом превращается в некий политический концепт.

3. Протестной поверхностью может быть и сама протестная коммуникация. Формы искусства и сами продукты, создаваемые субъектом протesta, в их рамках определённо могут располагать к нанесению протестного письма.

Искусство в каком-то смысле покрывает субъекта, на некоторое время оказывая ему защиту, хотя всё равно, сквозь его формы проступает сам субъект, его характер и воля. Но, тем не менее, как отмечает П.Андерсен, попытка говорить на языке искусства лежит в основе «любой протестной политики» [1; 41].

Творчество субъекта пишется языком протesta и объективируется в многообразии поверхностей – Интернет, литературе, живописи, кино, театре, архитектурных формах, музыке и перформансах. Создаваемый культурный продукт может изначально обладать достаточной провокативностью, чтобы в нём различить протестные устремления самого автора. Творчество субъекта протesta может быть направлено и на смеховую культуру, мэйнстримом которой является мысль о том, что «политическое почти всегда может и даже должно быть комическим» [3; 41]. Разве не по этой причине нерадивые представители чиновничего аппарата высмеиваются на протяжении всей истории России? Разве не попытки апелляции к смеховой культуредвигают многочисленными анонимным авторами (читай, народом), когда в сети Интернет появляются многочисленные демотиваторы, разоблачающие пороки власти в тех или иных ситуациях?

В политической истории СССР, равно и новейшей истории России, достаточно примеров, когда испытывающий необходимость выражения субъект пытался находить собственную поверхность протестного письма и вместе с ней свой неповторимый стиль. Деятельность диссидентов и их многочисленные продукты – чтения в Политехническом музее, «Бульдозерная выставка», многочисленные квартирники, перформансы А.Монастырского и группы «Коллективные действия», изобретавших свой язык, а вместе с ним и даже «Словарь терминов московской концептуальной школы» – все эти примеры только подтверждают коммунирование с аудиторией протестных поверхностей. Использование данных форм коммуникации всегда раздражает власть, потому как ставит под сомнение её всеохватность и информированность. Власть привыкла к мысли о полной просматриваемости всех коммуникаций, поэтому «любое альтернативное и анонимное действие и творчество, способное актуализировать вопрос о существовании где-то у неё под боком независимого и самостоятельного субъекта, склонно значительным образом досаждать ей» [4; 145].

Таким образом, значительное увеличение несистемной компоненты в российском политическом процессе, произошедшее после «болотных» событий, ока-

зываются прямо пропорциональным увеличению объёмов поверхностей, охваченных политическим протестным письмом. В пользу нашего вывода свидетельствуют и определённые законы развития политических процессов. В частности, появление ограничений на присутствие в политическом процессе для некоторых акторов, прямо или косвенно способствует радикализации и маргинализации их политического творчества. В начале 2014 года, кажется, что в России власть становится уже значительно обеспокоенной вопросом собственной легитимности, когда Интернет-пространство насыщают тексты, связанные с событиями в Украине.

Представленные нами практики использования протестных поверхностей в политическом тексте являются характеристикой современного политического дискурса в России. Объёмы протестного письма будут только возрастать, в случае попыток власти ещё сильнее репрессировать оппозиционных политических акторов, ограничивая их присутствие в политическом дискурсе. Наоборот, либерализация политического дискурса через попытки наладить диалог с исключёнными акторами в самых разных формах может существенно снизить возможности для артикуляции протестной энергии через протестное политическое письмо.

Литература

1. Андерсен П. Истоки постмодерна (Пер. с англ. А.Аполлонова). – М: Территория будущего, 2011. – 208 с.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 т. – М: Художественная литература, 1966. Т. 5. – 544 с.
3. Разуваев В.В. Политический смех в современной России. – М.: ГУ – ВШЭ, 2002. – 264 с.
4. Скиперских А.В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). – Липецк: Гравис, 2013. – 204 с.
5. Скиперских А.В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области). / Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 2-3. – С. 58 – 70.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (пер. с фр. В.Наумова). – М: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
7. Шарп Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 224 с.

Скрипникова Н.Н., доктор филологических наук, профессор,
Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Информационная политика органов местного самоуправления как инструмент формирования положительного имиджа региональной власти

Управление как целенаправленная деятельность человека включает в себя упорядоченное регулирование взаимодействия и создание условий для функционирования и развития различных объектов и процессов в природе, обществе и